

Память без цензуры

Босоногое детство Раисы Серебряковой

После войны первоклассников одели в гимнастёрки, юбки и галифе, пошитые из солдатской формы

Общественной организации «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества» в Магнитогорске 15 лет. Она объединяет детей войны – тех, кто не был баловнем судьбы и всего в жизни добился сам. Нелёгкий путь был и у нашей землячки Раисы Ивановны Серебряковой (на фото).

В деревне Пролетарка Кизильского района Челябинской области жил вдовец Иван Семёнович Белодурин с тремя детьми: Пашей, Сашей и Тоней. Односельчане советовали ему посвататься к вдове Наталье Николаевне. Когда он пришёл на сватовство с испуганными, голодными и неухоженными ребятишками, Наталья нагрела воды, искупала их, накормила, выстирала одежду и только потом решила дать согласие. В 1937 году в семье родилась Рая, в 1939 году – Петя.

Глава семьи Иван Семёнович Белодурин был председателем колхоза, грамотным и уважаемым человеком. Выписывал газету, увлекался фотографией. У него был единственный на всю деревню патефон, который колхозники любили послушать, усевшись на брёвна возле дома. Семья жила в достатке, работали, держали хозяйство.

Однажды Иван сказал жене: «Ты видела, как зреют виноград и арбузы? Продавай всё, поедим в Киргизию!» В 1940 году купили дом на станции Кара-Балты недалеко от Фрунзе. Стали обустраиваться, но вскоре началась война. Летом 1942 года Ивана призвали в армию. Наталья жила за мужем, как за каменной стеной, а осталась одна с пятерыми детьми.

– Я болела корью, и отец всё время держал меня на руках, – вспоминает Раиса Ивановна. – Была большая толпа, но люди держались группами. Где-то играла гармошка-трёхрядка, где-то пели печальные песни, где-то – разухабистые частушки, а где-то стоял плач и стон. Провожали на фронт кормильцев.

Следом ушёл старший брат Павел, прибавив себе год. Прошёл всю войну, был ранен, после войны вернулся в Кизильский район, женился, у него было трое детей.

В 1943 году пришла похоронка на отца, он погиб на Курской дуге. В его последнем письме были строки: «Из этого боя я живым не выйду». От инфекции умер Петя, младший в семье. Сестру Тоню в 15 лет призвали на трудовой фронт – по пояс в воде рубила камыш, из которого плели циновки для нужд фронта. От болей в суставах Антонина потом мучилась всю жизнь. Мама работала на свекольном поле – на каждого трудоспособного члена семьи выделяли по гектару, и план нужно было выполнить любой ценой.

В последнем письме отец написал: «Из этого боя живым я не выйду»

– Питание было скудным, – вспоминает Раиса Ивановна. – Мама налила воды в чугунок, высыпала стакан кукурузной муки, забеливала кружкой молока, добавляла листья свёклы или капусты. А через час после такого обеда вновь хотелось есть. У нас была кормилица-корова, и мы с кружками ждали, когда закончится дойка. Мама разливала непроцеженное ещё молоко, а потом тяжело вздыхала – опять ничего про запас. Во время войны в доме жила эвакуированная семья из Ленинграда. Мама и их стремились накормить. Нарезет большой чугунок свёклы, поставит на плиту и парит весь день, получается вкусная патока, которая спасала от голода. Но виноград, абрикосы, персики, яблоки росли в каждом дворе. Недалеко от дома располагался детский сад, и мы с подружкой часто смотрели на детсадовцев через дырки в заборе. Для нас они были небожителями: в одинаковой форме и белых панамках, ходили строем, держась за руки, ели трижды в день, сидели на маленьких стульчиках, за удобными столами.

И как-то мы решили осуществить заветную мечту – посидеть с ними за одним столом, а может, и пообедать. Перелезли через забор, заняли место за столом, а персонал стал считать по головам, кто же лишний. Дошли до нас. Так и не дав испробовать райской жизни, нас выдворили за пределы детского сада. А мы так вцепились в столешницу, что воспитателям пришлось отгибать каждый пальчик.

В 1947 году вернулся с фронта сосед Лука Герасименко. Дом разорён, жена умерла, а детей шести и семи лет отдали в детский дом. Он по-соседски попросил разрешения оставить вещмешок и отправился на поиски детей. А потом привёл забитых, наголо стриженных, плохо одетых малышей: Павлика и Валентину, ровесницу Раю. И опять Наталья нагрела воды, выкупала их, накормила и оставила ночевать.

Так было положено начало новой семье. Переехали в деревню Чаловка, куда отчима направили работать ветеринаром. Прежний дом оставили старшим детям. Лука Григорьевич прошёл гражданскую и Отечественную войны, был тяжело ранен. Отношения в семье складывались ровные, детей не делили на своих и чужих. Через год в семье родился малыш. Глава семьи всё время проводил на пастбищах, мама – на полевых работах, а Рая с Валей занимались домашними делами: кормили кроликов, поросёнка, кур, корову, водились с братом.

В школу Рая пошла в восемь лет. Как и многие, на линейке стояла босиком. Здесь впервые от руководителя района услышала слово «сироты». Детей, у которых погибли отцы, набрался целый класс. Их, в том числе и Раю, одели в гимнастёрки, юбки или галифе, сшитые из бывшей в употреблении солдатской формы, выдали ботинки. Подкармливали талканом – мукой из прожаренной кукурузы.

Несмотря на то, что в семье по тем временам было большое хозяйство, питались скромно, приходилось сдавать продналог государству. Од-

© Андрей Серебряков

нажды детям, чьи отцы погибли на фронте, в колхозе решили выдать по два с половиной килограмма муки.

– Мы с Валей прождали кладовщика весь день, – вспоминает Раиса Ивановна. – Голодные, усталые, на жаре. Потом поочередно несли муку домой. И так получилось, что вещмешок свалился плеч, всё высыпалось на землю. Домой пришли ни с чем...

Зимы в Киргизии прохладные, без тёплой одежды не обойтись. На пальто денег не было. И вот мама «подвела» к мужскому пиджаку ватин, получилось одно пальто на двух дочерей. Хорошо, что девочки учились в разные смены, всё Валю возвращалась из школы, и пальто надевала Рая.

Шло время, и семья решила уехать в далёкий Крым, чтобы дети смогли получить профессию. В Крыму родителей сразу пригласили в винсовхоз «Гурзуф» работать на виноградниках, дали комнату в общежитии. Рая после семилетки поступила в ялтинское педучилище, потом работала в школе. Сестра

окончила Одесский сельскохозяйственный институт, стала ветврачом в колхозе-миллионере.

– В Крыму хорошо, но меня тянуло на родину, – рассказывает Раиса Ивановна. – Приехала в Магнитогорск, устроилась в Агаповку учителем начальных классов. Вышла замуж. Жизнь подсказала, что нужно иметь высшее образование, – поступила в пединститут на заочное отделение. Меня пригласили на работу в Агаповское РОВД инспектором по делам несовершеннолетних, потом перешла на работу в левобережное РОВД Магнитогорска, где и отработала четверть века. Выросли и выучились сыновья, один работал в прокуратуре Челябинска, другой – фотокорреспондент в газете «Магнитогорский металл». У меня четверо внуков, которые тоже получили высшее образование. Благодарна судьбе, что она подарила мне встречи с замечательными людьми – сотрудниками милиции, у которых я училась, горжусь, что многие из моих подопечных стали настоящими людьми.

Нина Звездина

Поколение

Как нам их не хватало...

Мой отец Арефий Погребняк приехал в Магнитку с голодающей Украины в тридцатом году.

Поступил в цех ЖДТ, женился, родились я с братом и сестрой... Мы были несказанно рады, получив девятиметровую комнатку в бараке. Две железных кровати, печь со сковородой и двумя чугунами, скамья с двумя ведрами воды, одна большая эмалированная чашка на всех – тарелок не было – вот и весь быт. Сарайчик для кур и двух коз закрывали на досочку – воровства не знали. Об огурцах-помидорах понятия не имели: сажали по берегам Башика картофель, свёклу, морковь. Где доставали одежду и обувь, не знаю, но у нас с сестрой даже бантики были.

Однажды летом самолёт У-2 сбросил какие-то листовки. Мама

стала клеить бумажные полоски на стёкла крест-накрест, а когда папа вернулся с работы, они долго шептались, потом папа ушёл куда-то. Только через время я поняла, что началась война, и родители сколько могли берегли нас от дурных вестей. Помню, как мама стояла понуряя у печи, ощипывая кур папе в дорогу. 30 июня она проводила его на фронт.

Папа был несколько раз ранен. Писал с фронта о любви – маме и нам – о том, как заживём после войны. Советовал продавать домашний скарб, чтобы дети не голодали. Несколько его писем хранятся в музее ММК.

Документы на последнюю награду отца мы получили за него в девяностые: в сорок четвёртом он погиб. Маме было двадцать семь. Красивая. Всю жизнь надеялась,

что отец вернётся. Поднимала нас, троих, одна.

Были «американские подарки». Нам достались бесполезные шляпка и пальто неподходящего размера – мы их обменяли на продукты.

Война принесла в тыл бытовые неурядицы. Стало процветать воровство. Матери работали день и ночь, дети – одни в бараках, в очередях за хлебом. Этим и пользовалось воровьё, унося последнее из комнат без замков, выманивая карточки у детворы. От вшей не спасали ни баня, ни стирка, не хватало дров, было голодно. Мы ели траву – вероятно, восполняли нехватку витаминов. И не болели. Первоклашкой я с шестилетним братом бегала на железнодорожную насыпь собирать уголь, сыпавшийся из вагонов. Однажды состав остановился. Брат взобрался на вагон, но едва начал

мне сбрасывать уголь, как появился охранник, швырнул его за руки прямо на насыпь и даже не обернулся, пока состав удалялся. Время было такое – на возраст скидки не делали. Брат лежал как мёртвый. Обходчица привела его в чувство и дала нам кокса.

Не было тетрадей, учебников. В классах учились дети с разницей в возрасте до трёх лет: у многих из-за войны и эвакуации не было возможности вовремя пойти в школу. Учителя поначалу были из Ленинграда, но как только прорвали блокаду – они уехали. Нас стала учить семнадцатилетняя Нина Пискунова.

У шоссе между Туково и ДОКом была тюрьма для рядовых военнопленных, а за ДОКом вторая, для офицеров. Когда пленных водили на работы, они, крепкие, рослые, шли, опустив головы. И мы, дети, слабые от недоедания, бросали игры, смотрели на них исподлобья. Это противостояние продолжалось почти каждый день.

Когда объявили о победе, мама приготовила винегрет, пошла с ним к Пристайчукам. Праздновали без алкоголя, но и без детей, прятали от нас свои вдовьи слёзы. Осиротевших семей было много – Зубовы, Ялашкины, Чурылевы, Пристайчук, Самышевы, Степановы, Исаевы.

В сорок девятом вокруг бараков велась подготовка к строительству цехов ММК. Появились котлованы, мы в них купались с головастиками.

В пятидесятом купили патефон, потом радиоприёмник. Это была большая радость. Знали с пластинок множество песен. Цех ЖДТ каждый год давал нам путёвки в пионерский лагерь, одну – бесплатную. Так и выживали.

Сегодня мы втрое-вчетверо старше своих отцов, не доживших до старости. Как нам их не хватало! Пусть нынешние дети растут с родителями под мирным небом.

Валентина Скрипай, ветеран педагогического труда